

Н. А. СЕЛУНСКАЯ

ПРОЙДЕННЫЙ ПУТЬ ИДЕЙ

ВЕК ДЖОАККИНО ВОЛЬПЕ

Наследие историка Вольпе – это долгое эхо культуры Нового времени, которое Новейшее время то активно адаптирует, то пассивно, но неотступно сохраняет, – вплоть до нового удачного момента ре-актуализации. Рассматривать эту личность можно и нужно в связи с проблемами долгосрочного влияния и преемственности идей. Интеллектуальная биография Вольпе вписана в контекст формирования образа исторической науки, показаны силовые линии взаимодействия поля науки и поля политики.

Ключевые слова: *Ното academicus, историография, италянистика, история научных школ, историческая биография.*

Проект, в русле которого запланировано данное исследование, посвящен изучению интеллектуальной среды и связей интеллектуальных сообществ Нового времени, способов трансляции наследия той эпохи, а также преодолению некоторых стереотипов описания и изучения интеллектуальной культуры моды в истории науки¹. Имеются ввиду как стереотипы, которые неизбежно и невольно создают исследователи, так и мифы, созданные упорным трудом интеллектуалов Нового времени (некоторые, на первый взгляд, совершенно фантастические идеи этого времени имели свойство воплотиться в реальность). Самый конец Нового времени и переход к эпохе так называемого Новейшего времени, кажется мне наиболее интересным периодом развития: моментом, когда были уже собраны воедино, как спелые плоды, идеи и принципы эпохи, и уже начинало проявляться то обстоятельство, что применять и переваривать эти плоды будет совершенно иной общественный организм.

В фокусе моего внимания – мифотворчество итальянского позитивизма и причудливая эволюция итальянского интеллектуала, которая будет рассмотрена на примере научной и общественной жизни историка Джоаккино Вольпе (Volpe), автора работ по итальянскому Средневеко-

¹ Исследование выполнено при поддержке 1) Федерального агентства по науке и инновациям в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.», государственный контракт 02. 740. 11. 0350; 2) РГНФ, в рамках проекта № 10–01–00403а «Идеи и люди: интеллектуальная жизнь Европы в Новое время».

вью и эпохе Рисорджименто. Хотя, скорее, это может быть названо революцией во взглядах: в диапазоне от монархизма до либерального марксизма, и от левых взглядов к фашизму.

Автор рассматривает эту публикацию, представляющую первые результаты работы, как *work in progress*, т.е. как исследование развивающееся, с открытой перспективой, хотя бы потому, что столь причудливая личность может преподнести в процессе изучения новые неожиданные открытия, касающиеся не только внутренней жизни этого деятеля и мыслителя, но и той эпохи, в которую Вольпе суждено было реализовать свой научный и личностный потенциал.

Вольпе родился в 70-е годы XIX столетия, и встретил рубеж веков, получив традиционную сумму знаний и представлений, свойственных культурному стандарту Нового времени. Однако творчески перерабатывать этот багаж знаний он принялся в совершенно особом и быстро меняющемся историко-культурном контексте. Тот исторический момент, с которым совпало обучение и начало научной карьеры молодого историка Вольпе, примечателен еще и тем, что собственно научная национальная школа историографии складывалась в Италии именно на рубеже XIX–XX вв. Несомненно, интересен этот этап развития и с точки зрения истории идей, поскольку общественный консенсус времени Рисорджименто и связанный с объединением позитивный настрой сменились духом пессимизма и активных поисков новой национальной идеи, а, следовательно, проявился новый спектр дискурсов.

Герой этого исследования достаточно давно был известен мне в связи со специальными исследованиями по истории средневековых институтов. Однако никогда прежде у меня не было намерения прояснить, какая именно биография, какая личность, стоит за рядом отсылок (обычно глухих) к списку статей по истории средневековой, преимущественно тосканской и южно-итальянской, коммуны.

Сразу отметим, что имя Вольпе знакомо кругу русских итальянистов (как медиевистам, так и историкам Нового времени) еще с советского периода, при том, что ни одна работа (и даже ни одна биографическая статья о нем) не переводилась на русский язык, чему были свои причины, о которых будет сказано ниже. Сейчас же обратимся к более общей и крайне важной для данного исследования проблеме.

Кажется невероятным, что до сих пор не проанализирована проблема описания жизни человека науки и общественного деятеля, который никогда не был забыт или недооценен современниками и ближайшими потомками, и чьи труды, чья память не подверглись *damnatio*,

несмотря на продолжительность жизни и творчества в сложном идеологическом контексте эпохи. Таков историк и деятель культуры Джоаккино Вольпе, проживший долгую – длиной в 95 лет (почти век!), интересную и счастливую жизнь, за которую успели несколько раз смениться моды, вкусовые предпочтения, политические режимы в Италии. Это человек, о котором известно очень многое – от записи при крещении² и писем к жене (как на заре брака, так и в старости)³ до энциклопедических статей, монографий, газетных публикаций.

Пожалуй, лучше всего казус изучения известного человека, биография которого наполнена связанными с этой известностью стереотипами восприятия, раскрыт в художественной литературе – в произведении В. Набокова «Дар», в котором лирический герой – поэт и писатель – одновременно творит и преодолевает стереотипы своего героя – властителя дум русской интеллигенции Чернышевского, прослеживая его путь через ряд говорящих бытовых моментов – обстоятельства крещения, годы учебы, написание произведений. Разумеется, такую полноценную и литературоцентричную биографию невозможно представить в журнальной статье, хотя задача остается соблазнительной, и пока никем не выполненной. Однако и в академических жестких рамках научной биографии творчество Вольпе представляет сложную задачу. Неоднозначный и яркий характер личности Вольпе, несомненно, требует рассмотрения его биографии в нескольких проекциях, внимания к некоторым малоизвестным деталям и умения абстрагироваться от широко известных, но сомнительных для непредвзятого исследователя мнений⁴.

² “Die 20 Februarii 1876. Ego infrascriptus baptizavi infantem natum ex coniugibus Iacobo Volpe et Bianca Mori cui impositum fuit nomen IOACHIM, Alfredus, Antonius. Patrinus fuit D. Antonius Canali. Vincentius Gualtieri – Parochus”. (Archivio Parrocchia Paganica – Liber Baptizatorum, Anno 1876.)

³ Сайт Фонда Дж. Вольпе указывает, что презентация издания произошла (при скоплении публики и большом интересе к событию) совсем недавно – в 2010 г. <http://www.centrostudigvolpe.it/L'Aquila7marzo2010> – Presentazione del libro “Ritratto di Donna” di Gioacchino Volpe. Due lettere d’amore che Gioacchino Volpe ha scritto alla moglie, la prima un anno dopo il matrimonio, la seconda sette anni prima che lo scrittore morisse. (Письма Вольпе к жене, написанные вскоре – через год, после заключения брака и за 6 лет до смерти).

⁴ Из тех работ, в которых уделяется специальное, хоть и не преимущественное внимание наследию Вольпе, наиболее интересная принадлежит Овидео Капитани: *Capitani*. 1999. P. 305–321. Весьма любопытно сопоставление идей и творчества Вольпе и нескольких его коллег и современников: *Artifoni*. 1979. P. 273–299. См. также анализ влияния Вольпе на одного из самых видных историков-медиевистов послевоенного времени Эрнеста Сестана, который как бы ретроспективно проясняет идеи самого предшественника: *Vivarelli*. 1992. P. 69–93.

Наследие Вольпе, который был не только исследователем, но и мыслителем и публичным деятелем следует анализировать в широком историко-культурном контексте. Обычно на первый план выходит обзор течения либерального марксизма начала XX века в Италии, а также возникшей на рубеже XIX–XX вв. итальянской школы юридических и экономических исследований, к которой примкнул Вольпе. При этом в историографии не получает объяснения то известное обстоятельство, что некоторые представители данной школы затем успешно функционировали и в период распространения фашистской идеологии.

Дабы объяснить и описать эту проблему, необходимо одновременно и сузить горизонт, углубиться в конкретику: т.е., вместо общих вопросов эволюции либерального дискурса в науке, философии и культуре Италии, анализировать конкретную интеллектуальную среду – и одну, до сих пор научно-значимую тему. Эта тема – важнейшая в творчестве Вольпе – история средневековой коммуны. В плане научного осмысления феномена городской общины итальянских земель, Вольпе и его коллеги, проводившие исследования по средневековью с рубежа столетий, имеют несомненные заслуги перед всей исторической наукой, даже если работы их были узкоспециальными. Это были пионеры междисциплинарных исследований, которые раскрывали возможности исторического и социологического интерпретирования правовых источников.

История коммуны как история определенного города или края изучалась эрудитами, знатоками древностей и архивов на протяжении многих веков. Этот этап позволил осуществить публикации важных (как для изучения социальной истории, так и для истории права) источников, а также произвести их комментирование, которое, однако, еще не может быть названо собственно аналитической историей⁵. Аналитическая история формировалась в Италии лишь в 1880–90-е годы, когда как молодой ученый формировался сам Вольпе и его будущие соперники и соратники. При этом краеведческий и историко-правовой дискурс по-прежнему преобладал. Краеугольным камнем, заложившим приоритеты итальянской школы историографии на весь XX век, следует признать тренд экономико-юридических исследований, представленных одновременно – идеологическими компонентами и технически совершенными иллюстрациями к заданной идеологией тематике, фундированными архивными изысканиями.

⁵ Выделим из исследований раннего периода общий труд по истории коммун южной Италии XII–XIX вв. (*Faraglia*. 1883). На него ориентировались и не без успеха пытались его превзойти историки поколения Вольпе.

Поскольку марксизм к тому времени стал если не влиятельным, то весьма модным интеллектуальным течением, и приобрел себе в Италии таких харизматических сторонников, как А. Лабриола, то неудивительно, что и в области изучения коммун проявилось такое направление, которое в современной историографии принято считать марксистским. Впрочем, «школу экономико-юридических исследований» (*scuola economica giuridica*), которой принадлежит вместе с Джоаккино Вольпе⁶ творчество таких историков, как Ромоло Каджезе⁷, Гаэтано Сальвенини⁸, по моему мнению, нельзя считать, ни идеологическим кружком, ни формальной научной школой с четкой иерархией старших и младших⁹. Это был институт в том расширительном понимании, которое появилось в гуманитарной науке недавно, т.е. не институт в административном смысле слова, а сообщество, причем временное и не локализованное в замкнутом пространстве, без четких вертикальных связей, зато скрепленное различными видами связей горизонтальных, личностных.

Взаимоотношения с политическими и идеологическими авторитетами у ученых-гуманитариев этой плеяды не носили подчиненного характера. Несмотря на встречающиеся в литературе эпитеты исторический материализм, «вульгарный марксизм» и «твердый марксизм»¹⁰, можно смело сказать, что это было творческое направление аналитической исторической мысли, не обусловленное узкими идеологическими рамками. Поэтому внутри группы ученых, которые занимались развитием этой аналитической истории, могло и должно было существовать определенное разномыслие, при сходстве некоторых интенций или модусов академической карьеры.

⁶ Cervelli. 1970. P. 40–80, 257–291, 375–424; Violante. 1970. P. IX-LVIII, poi nel n. 175; Cervelli. 1977; Marinelli. 1977. P.77–82.

⁷ Caprighione. 2000. Ventura. 1980–1981. P. 177–270; Estratto, Foggia, Editrice Apulia, 1981; Volpe. 1938. P. 145–150.

⁸ Silva. 1918; Rodolico, Gaetano Salvemini... 1957; Sestan. 1958. P. 5-43; Sestan. 1959; D'Alessandro. 1986. P. 139–197; Artifoni. 1990; Moretti. 1992, P. 203-245; Moretti. 1996. P. 19-68; *Il Medioevo di Gaetano Salvemini*, Convegno di studi, Università di Firenze. <http://www.storia.unifi.it/PIM/salvemini/default.htm>.

⁹ Формальной, но влиятельной школой того времени можно назвать, например, Пизанский университет, а также тесно связанную с ним Высшую школу в Пизе (*Scuola Normale Superiore*) – итальянский государственный центр высшего образования и научных исследований, который является самым престижным учебным заведением страны, начиная с 1810 г.), питомцем этой школы и был Вольпе.

¹⁰ См., напр., характеристику Дж. Ларнера: Larner. 1991. P. 8. Заметим, что оценка англо-язычного автора 90-х гг. XX в. практически не отличается от той оценки, которая была дана этому направлению исторической мысли в Италии периода зарождения фашизма: Croce. 1920. P. 323, 326; Croce. 1921. P. 257–258.

Вольпе интересует нас, поскольку это личность, не просто пассивно вписанная в контекст истории и истории науки, но именно актор эпохи, задавший несколько перспектив развития итальянской исторической науки и шире – культуры. Вольпе ярко и самобытно смотрится на фоне других интеллектуалов времени начала его научной и общественной карьеры – итальянских представителей позитивизма (Crivellucci), либеральных интерпретаторов марксизма (Logia, Labriola), точно так же, как затем он выделялся в среде интеллектуалов, приобретших влияние в период господства фашизма. Центральной для нас является личность Вольпе и его интеллектуальная биография: проблемы развития марксистской или фашистской идеи анализируются в связи с творческим становлением историка и общественного деятеля Вольпе, а не как основа взглядов или готовая система ценностных оценок, воспринятая историком. При этом задача реконструкции семейной истории героя или создания связного нарратива, традиционной биографии, здесь вовсе не ставится. Точно так же нас интересует не все работы Вольпе, а лишь избранная и под определенным углом рассмотренная библиография. Традиционные задачи биографического и библиографического поиска частично выполнены (в итальянской литературе), и было бы слишком упрощенной задачей – перенести этот пласт информации в русскоязычную среду путем прямого перевода. Кроме того, автора работы волнуют строго определенные переломные этапы биографии и логически не объяснимые поворотные моменты интеллектуальной эволюции Вольпе.

Условимся и о том, что нас интересует феномен личности историка, возможности его влияния на общество как историка и в качестве общественного деятеля, а не только возможное давление исторических обстоятельств на жизнь ученого. И, думается, прежде всего, требует объяснения континуитет влияния и авторитета Вольпе в итальянской культуре и исторической науке. Всплеск популярности интеллектуала, близкого властям и политическим победителям – понятный временный выигрыш, но из сведений об успешной карьере Вольпе при фашизме никак нельзя объяснить тот успех, который имели работы Вольпе как до, так и после падения режима, который он активно поддержал.

Моя задача – не описательная характеристика и суммирование данных о карьерных ступенях или изданиях трудов Вольпе, но попытка получить из этих данных некоторую скрытую информацию. Именно те аспекты, которые маргинализируются, замалчиваются, выносятся за скобки, дадут нам ключ к пониманию сформулированных вопросов.

Привлекает внимание то очевидное – но не объясненное! – обстоятельство, что этот политически и социально ангажированный персонаж

не был забыт с изменением идеологического климата. Ведь такой «актуальный» автор, как и остро модный писатель строго определенных десятилетий, как будто должен был бы оставаться в каком-то «своем» прошедшем времени. Однако имя и работы Вольпе продолжали существовать в интеллектуальной традиции¹¹ и даже экспортировались в иноязычные культурные среды: например, Вольпе как медиевист почитался среди советских итальянистов, несмотря на активный коллаборационизм историка с «враждебным» режимом (о чем, впрочем, умалчивалось при ссылках на его работы).

История интеллектуальной жизни может быть понята как история изменений функций и институций по производству символической продукции и самой структуры этой продукции, что соотносится с постепенным становлением интеллектуального и художественного поля, т.е. как история автономизации собственно культурных отношений производства, обращения и потребления. Одной из важнейших тем в этом производстве, по крайней мере, с начала Нового времени и по сей день, является воспроизводство символических ценностей, связанных с тем или иным мифом национальной истории. Речь пойдет о такой символической продукции и структуре воспроизводства этого символического мифологизированного капитала, который принимал формы «научного» дискурса, понятийного языка позитивизма или некоторых более или менее жестких разновидностей марксизма. При этом мы будем исходить из положения Пьера Бурдьё о том, что «в отличие от поля массового производства, которое подчиняется закону конкурентной борьбы за завоевание как можно более обширного рынка, поле ограниченного производства стремится *самостоятельно* создавать свои нормы производства и критерии оценки своей продукции, оно подчиняется закону конкурентной борьбы за чисто культурное признание со стороны коллег, являющихся одновременно клиентами и конкурентами»¹².

¹¹ *Cervelli*. 1968. P. 473–483, 596–616; *Idem*. 1969. P. 66–89; *Cervelli*. 1969. P. 496–534; *Cervelli*. 1970. P. 40–80, 257–291, 375–424; *Violante*. 1970. P. IX–LVIII, poi nel n. 175; *Cervelli*. 1977; *Marinelli*. 1977. P. 77–82; *Violante*. 1978. P. 153–184; *Violante*. 1985–1986. P. 301–317; *Artifoni*. 1990; *Artifoni*. 2007; <http://www.rmojs.unina.it/index.php/rm> (июнь, 2011).

¹² Лаконичная и информативная работа «Рынок символической продукции», опубликованная на русском языке еще в 1993 г. (по этой публикации и дана цитата), на мой взгляд, до сих пор остается наилучшим ориентиром исследовательских стратегий для каждого, изучающего историю научных школ: *Бурдьё*. 1993; <http://bourdieu.name/content/rynok-simvolicheskoi-produkcii> (июнь, 2011). Не менее важен в этой связи труд П. Бурдьё *Homo academicus*; <http://bourdieu.name/content/bourdieu-pierre-homo-academicus> (июнь, 2011).

Именно такими характеристиками может быть описана группа интеллектуалов, интересовавшихся экономическими и правовыми особенностями средневекового общества под особым углом зрения – *в свете актуальных доктрин социальной справедливости*.

Научной компетентностью и исторической эрудицией, при ярком интересе к злобе дня и социально-политической ситуации итальянской действительности XX века (например, к проблеме юга¹³), отличались все представители той «историографической школы», к которой принадлежал Вольпе. Однако, думается, что уже изначально у Вольпе был нестандартный подход к проблеме юга, который мог сочетаться не с левой идеологией, а, напротив, с монархическими взглядами ученого, которые резко отличали его в академической и интеллектуальной среде, близкой Вольпе во всем остальном. К столь нестандартной для интеллектуала тех лет позиции, кроме всего прочего, определяющего личный идеологический выбор (происхождение, семья, авторитеты прошлого), могла привести ученого логика того исторического материала, с которым он работал: ведь в средневековье Юг Италии, имевший города-коммуны, но централизованный, объединенный под властью мудрого правителя, временами процветал больше, чем Тоскана, где происходила драматическая борьба между городами и внутри самих городских коммун. Вольпе, освоивший уже в своих ранних работах темы развития коммунальных институтов Тосканы и Юга, мог сделать из этих исторических примеров далеко идущие выводы¹⁴.

Нельзя сказать, что имя Вольпе затмило всю плеяду ученых, с которыми он находился прежде в творческом диалоге, и по научным ис-

¹³ Меридионализм как направление общественно-политической мысли зародился в 70-х гг. XIX в. на почве решения т. н. «Южного вопроса», поисков способа ликвидации отсталости Юга. Впервые эту проблему национального развития страны поставили деятели либерального течения меридионизма (С. Соннино, Л. Франкетти, а затем Дж. Фортунато и Ф. Нитти). В начале XX в. Г. Сальвемини и его последователи поставили «Южный вопрос» как крестьянский, считая, что для его решения необходимо ликвидировать феодальное землевладение. Сальвемини требовал всеобщего избирательного права и расширения представительства крестьян Юга в парламенте, с тем, чтобы способствовать осуществлению реформы.

¹⁴ *Volpe*. 1927 [Sansoni. 1958]. *Studi sulle istituzioni comunali a Pisa*. Nuova ed. Firenze: Sansoni, 1970. (В эту позднейшую публикацию вошли наработки, сделанные еще в бытность Вольпе студентом в Пизе.); *Volterra: storia di Vescovi signori, di istituti comunali, di rapporti tra Stato e Chiesa nelle città italiane nei secoli 11. –15*. Firenze: La Voce, 1923; *Lunigiana medievale: storia di vescovi signori, di istituti comunali, di rapporti tra Stato e Chiesa nelle città italiane nei secoli 11. –15*. Firenze: La voce, 1923; *Idem Corsica*. Milano : Istit. Edit. Scientifico, 1927.

торическим вопросам, и по общественным темам, но именно идейная эволюция и биография Вольпе дают наиболее яркое представление о том, насколько было не однородным и одномерным интеллектуальное пространство первой половины прошлого столетия.

Почему, при всем сходстве позиций и подходов к изучению истории итальянских земель и прежде всего ее общин с точки зрения юридических и экономических аспектов, именно Вольпе, а не, например, Ромоло Каджезе, наиболее близкий Вольпе коллега¹⁵, стал лидером поколения историков? Почему научная школа экономических и юридических исследований, которую раскололи непримиримые идеологические противоречия участников, хотя и потеряла харизму, но в глазах нового поколения историков оставалась постоянным источником отсылок и упоминаний, сохраняла авторитет в итальянской историографии на всем протяжении XX века? Почему, с другой стороны, не утратив научного признания, сама группа интеллектуалов, эта неформальная школа, перестала существовать? Не потому ли, что после 1920-х годов в Италии, как и в России, стало невозможным существование таких, достаточно автономных, интеллектуальных групп? Критерии значимости интеллектуального тренда обозначались уже не самими независимыми группами ученых и экспертным сообществом историков. Точнее сказать, критерии по-прежнему описывались учеными и в тех же научных и популярных изданиях, просто совершалось это с определенной санкции власти.

Таким образом, можно, на мой взгляд, охарактеризовать и ситуацию, сложившуюся без малого сто лет назад в Италии. Ключевую роль (как с самого начала века, так и в 1920-е годы) в развитии национальной школы историографии играли вопросы истории средневекового периода и, прежде всего, вопрос об общине (коммуне), как основе общественного развития итальянских земель на протяжении их истории.

Во многом именно для решения задачи более полного исторического описания средневековых итальянских коммун и был сформирован как интеллектуальное направление тренд экономико-юридических исследований, а далее общий подход позволил считать нескольких коллег-ученых членами особой интеллектуальной группы. В дальнейшем между одними коллегами, работавшими по сходным темам, сохранилось взаимодействие и взаимопонимание (например, Каджезе и Вольпе), а в других случаях происходил разрыв (тот же Вольпе и Сальвемини). И в том, и в другом случае особую роль играли не собственно научные претензии, а

¹⁵ См. рецензию Вольпе на основной труд Каджезе: *Volpe*. 1908, P. 263–278, 361–381; <http://ojs.uniroma1.it/index.php/lacritica> (июнь, 2011).

возникающие идеологические и даже политические противоречия: Каджезе под влиянием Вольпе включился в деятельность по интеллектуальному оправданию и обоснованию фашистской идеологии, а Сальвемини остался на платформе левых взглядов (хотя еще в 1911 г., вышел из социалистической партии) и далее проявил себя непримиримым и бескомпромиссным антифашистом¹⁶.

Основные аспекты истории, интересовавшие Вольпе и его коллег – история средневековой коммун, история институтов и права, вписанные в контекст экономического и политического развития. Эти темы и проблемы, сформулированные в первой четверти века усилиями историков экономико-юридического направления, затем смогли стать равным образом актуальными для фашистской историографии. Индикатором новизны проблематики может служить история вопроса о начальных этапах средневекового развития городской общины.

Несомненно, Вольпе был одним из первых историков, высказавших тезис о новационном характере средневековой коммун. Тезис этот не был представлен голословно, ему сопутствовала большая работа над источниками, свидетельствующими о конкретных формах воплощения новых принципов объединения. В настоящий момент он звучит более чем привычно, но в свое время отрицание извечного римского юридического характера средневековой общины, продолжавшей именоваться в источниках эпохи тем же термином, что и древнеримская община (цивитас), было достаточно смелым шагом. При этом ни сам исследователь, ни экономико-юридическая школа, к которой он принадлежал, ни в коей мере не грешили модернизацией исторических реалий и не пытались представить коммунальное движение в качестве буржуазной революции¹⁷.

С другой стороны, понимание коммун как особой силы, актора истории стало возможным и вошло в научный и околонаучный дискурс благодаря трудам рубежа веков, созданным относительно либеральными интерпретаторами марксизма. Также можно отметить некоторые параллели творчества Каджезе, а особенно Вольпе, и тех тем, которые стали актуальны в социологии и новейшей истории. Прежде всего, от-

¹⁶ «Непримиримый» Сальвемини подвергался аресту за критику фашистского режима, смог уехать в эмиграцию, где продолжал выступать с разоблачением и критикой фашизма, вернулся во Флоренцию после войны, где и возглавил университетскую кафедру, однако, судя по всему, не вычеркнул из списков рекомендованной литературы имена своих давних друзей-недрузгов, не инспирировал и не возглавил никакой охоты на ведьм.

¹⁷ Ссылаюсь на более доступное в России издание, хотя существует и более современное: *Volpe*. 1961. P. 85–118. (3 ed. – Roma, 1992).

метим, что историков экономико-юридического подхода интересовали массовые движения. Более того, логично хотя бы задать вопрос, если и не делать далеко идущих выводов о возможных интеллектуальных параллелях, о связях между подходами к изучению новых классов, появившихся на сцене итальянской истории в XIV–XV вв., и анализом новых социальных сил XX века. Вопрос о кризисах исторической эпохи ярко демонстрирует проявления кризиса в методологических подходах историков и является весьма показательным для раскрытия образа науки того или иного периода, поэтому данный аспект заслуживает особого внимания и отдельного обсуждения.

Мы отметим только ту точку развития, когда перестало быть положительной характеристикой существование достаточно автономных интеллектуальных групп, и взаимосвязь интеллектуала и власти стала осуществляться новым для XX в., но вполне традиционным для Нового времени способом, а сам образ науки стал создаваться более широким и популистским дискурсом, как, впрочем, уже было в истории науки, только не в XX в., а в эпоху Просвещения. Вольпе же принял самое активное участие в формировании нового научного, но идеологически и политически подчиненного дискурса, и – как кульминация – в создании к 1925 г. своеобразного манифеста фашистских интеллектуалов.

Для либерального интеллектуала это неожиданный поворот, даже слом, но что можно найти нетрадиционного в таком бурном сотрудничестве с властью, даже с конкретным государем, для интеллектуала Нового времени или Ренессанса? Немаловажно отметить и оценить разработку Вольпе концепции Рисорджименто, т.е. глобального описания-объяснения эпохи становления нации. В эту концепцию историк, сформировавшийся как медиевист, разумеется, внес «проблему корней» и исторических мотивов континуитета, которые современная академическая историография считает континуитетом ложным. Но, опять-таки, ничего странного и предосудительного в проповедовании этих идей не было и не могло быть для историка, который жил бы в эпоху Ренессанса или раннего Нового времени, а не писал бы о них в XX веке. Я не берусь судить о том, насколько осознанно и цинично или спонтанно производилась ре-актуализация этого дискурса интеллектуалами фашистской поры, в частности Вольпе, а просто отмечаю, что Вольпе использовал или реабилитировал более широкий спектр идей, которые, так или иначе, содержались в культурном наследии Нового времени.

Эти идеи своеобразного медиевализма или «возрождения ренессансного духа народа» не изобретались, а выносились на поверхность

того многослойного интеллектуального потока, которым изначально был снабжен любой образованный наследник культуры Нового времени. Почему собственно Вольпе должен был жестко ассоциировать себя с интеллектуальной средой и направлением экономико-юридической школы начала XX века, с интеллектуальным и общественно-публичным дебютом, а не с годами обучения, не с воспитавшей его Нормальной школой в Пизе, детищем Наполеоновского образовательного проекта? В чем собственно этот образовательный проект драматически расходился с курсом культурной политики Муссолини?

Думается, Вольпе обладал свойством актуализировать и приспосабливать к новой конъюнктуре, к меняющейся общественно-политической ситуации идеи из своего культурного багажа и делал это быстрее и успешнее, чем многие его современники, притом, что изначально этот культурный багаж был общим. Не стоит давать скоропалительные оценки и уверять, что эта интеллектуальная стратегия была аморальна и беспринципна. Я лишь констатирую пластичность идеологических приоритетов Вольпе, его несомненную волю конструктивно использовать имеющиеся обстоятельства для развития своих идей. А интеллектуальную проблему соотношения политики и морали, как мы помним, решил еще компатриот Вольпе – Макиавелли, с творчеством которого, как и со всем богатством ренессансной мысли Вольпе был знаком с юных лет.

Остается вопрос, почему по окончании господства фашистской идеологии работы Вольпе, ассоциирующиеся с интеллектуальной поддержкой режима, не были отвергнуты? Представляется, что, по крайней мере отчасти, его труды не обесценились, поскольку обладали вполне самостоятельным и ценным контентом, а отчасти потому, что сразу после падения фашистского режима Вольпе вернулся к теме своих молодых исканий – истории средневековья, исключая постепенно из новых изданий книг заостренные идеологические пассажи.

Сама же тема далекого, но доблестного средневекового прошлого, истории народа, свободного от жесткой централизации и обретавшего в борьбе права и свободы, была обречена на признание в период деконструкции фашистской власти и послевоенного восстановления Италии, возобновления ее либеральной и даже социалистической традиции культуры. Возможно, эта черта помогла Вольпе закрепиться и в учебной программе советских медиевистов, ориентированной на узкий круг подготовки специалистов, но все же вполне официальной.

Естественно, медиевальные сюжеты в освещении Вольпе носили отпечаток прежних наработок, выполненных в либеральном ключе, и,

кроме того, поддерживали своим историческим пафосом моральный дух итальянцев, в том числе, молодежи, которая, в отличие от немецкой, не была ориентирована на идеалы покаяния и самоотрицания. Творчеству же Вольпе, его научным и популярным сочинениям всегда был присущ дух исторического оптимизма и патриотизма. Кроме того, за свою долгую жизнь Вольпе сумел увидеть циклическое повторение некоторых идейных тенденций; по счастливому совпадению, время работало на мэтра, а не против него. Примером такого почти не затухающего, а временами – ярко разгорающегося интереса, являлись изыскания Вольпе на тему сект и еретических учений.

Комплекс исследований, сфокусированный на изучении еретических движений, полных по-своему диссидентских и свободолобивых устремлений в форме религиозных исканий, вылился в исторический труд, исполненный с блеском и широким охватом материала и ставший подлинным бестселлером интеллектуальной культуры. Этот труд переиздавался семь раз с 1920-х по 1990-е гг., но особенно интенсивно штудировался в конце 60-х – 70-е гг., во время особого интереса к инакомыслию и протестным движениям¹⁸. В средневековых штудиях историка нашлось место анализу роли молодежи в протестных движениях прошлого, и это привлекало молодого читателя-бунтаря XX века.

Именно изучение роли молодежи в динамике социальных процессов и проявленный Вольпе интерес к истории ересей и еретических народных течений, привлекли повышенное внимание, поскольку построение исторического нарратива был предпринято Вольпе таким образом, что позволило при желании интерпретировать события далекого прошлого как предсказание молодежных движений XX века, в том числе 1968 года, а сам труд историка – как путеводную звезду в изучении социальных феноменов современности и актуальных протестных движений. На этом этапе имя Вольпе снова стало ассоциироваться преимущественно с идеями либерального историзма и тем направлением мысли, к которому историк примыкал на заре своей карьеры. Несколько забытое к 1950-60-м годам название той школы исследований, которая формировалась при активном участии Вольпе, стало чаще упоминаться.

Итак, можно сказать, что деятельность интеллектуальной группы, к которой принадлежал Вольпе, и ее историографическое наследие отражались очень продолжительное время (вплоть до 1970-х – начала 1980-х годов) в характере развития исторических исследований (прежде всего,

¹⁸ Volpe 1922 (2 ed. 1926 [ripub. più volte a Firenze da Sansoni – 1961, 1971, 1972, 1977 – nel 1997 a Roma dall'Editore Donzelli, con introd. di Cinzio Violante].

исследований по медиевистике) в Италии, в европейской итальянистике, и, как это ни парадоксально, даже в России периода развития советского марксизма. Присутствуют эти упоминания о Вольпе и о школе экономико-юридических исследований именно в связке и в контексте либеральных и даже марксистских представлений, что не совсем корректно.

Широкое образование и усвоенное разностороннее культурное наследие Нового времени позволяло Вольпе позиционировать себя столь различным образом в культурном ландшафте эпохи и не фиксироваться на определенном этапе своей интеллектуальной биографии как на моменте истины. Эти же характеристики позволили вписать наследие Вольпе в самые различные научно-культурные практики, например, передать это имя по эстафете от историков Запада историкам советской эпохи, сохранив имя и труды Вольпе в образовательном стандарте итальяниста.

Объяснению парадоксов успешной коммуникации историографических дискурсов России и Италии не посвящено ни одного исследования, несмотря на все очевидные параллели, и я полагаю необходимым развить эту тему в следующих публикациях.

В настоящий момент ограничусь посылкой, что, как сам образ исторической науки, так и возможности создания коммуникативной среды, во многом определяются не сегодняшним вектором развития этих школ, а активными и формирующими традициями, которые проявляются в зависимости от некоторой исторической конъюнктуры, но сохраняются и при изменении ситуации, при утрате первоначальной необходимости и стимулов; тем, что в современной историографии получило название зависимости от пройденного пути: *path dependence*¹⁹. Понятие это возникло в недрах экономической истории, но совершенно непонятно, почему оно до сих пор там и остается. Этот концепт нужен историографии, поскольку содержит коннотации, отличные от всех существующих определений традиции и позволяет различать некую обоснованную традиционность и трудно объяснимую приверженность давно неактуальной форме.

Зависимость от пройденного пути проявляется тогда, когда исчерпываются объективные предпосылки формирования и поддержания традиции, а приверженность ей остается осязаемой. При сходстве этих зависимостей от накопленного опыта, взаимодействие двух социальных институтов, как и взаимодействие научных школ, является возможным.

¹⁹ С интересным анализом этой проблемы выступил недавно шведский ученый Рольф Тоштендаль, и данная публикация уже доступна на русском языке: Возвращение историзма? Нео-институционализм и «исторический поворот» в социальных науках // Историческая наука сегодня. М., 2010. С 343–354. Конкретно по теме «зависимости от пройденного пути» см. замечания на с. 345–346.

Именно такое взаимодействие между итальянской исторической наукой и исторической дисциплиной, развивавшейся в русскоязычной среде в СССР (особенно в советской России) по темам постоянно актуальным для обеих историографий, на мой взгляд, следует отметить как весьма интересный сюжет в истории науки.

Речь идет и о взаимодействии в области итальянистики (при этом особое внимание уделялось периоду социо-культурного доминирования Италии в Европе: это, прежде всего, средневековый расцвет городов и Ренессанс). И русская, и итальянская школа средневековых исследований развивались под сильным влиянием немецкой науки, а кроме того, сходным моментом являлось то, что обе национальные историографические школы акцентировали вопросы развития общины. Большой интерес к средневековому периоду и стремление опробовать именно в рамках средневековья новаторские на данный момент методы исследования показывают, насколько значим средневековый мир и его образ в процессе конструирования образа истории различных стран. Отметим, что средневековизм играл существенную роль в различных дискурсах: имел значение и для фашистской, и для либеральной, и для коммунистической идеологии двадцатого столетия.

Это обстоятельство настолько общеизвестно, что нет смысла доказывать его, и даже иллюстрировать длинным рядом примеров. Гораздо полезнее задать вопрос, *почему же в совершенно разных странах, таких как Италия и Россия, в их историографических школах, ключевую роль играли вопросы истории средневекового периода?*

Очевидно, средневековье виделось самым удачным временем для поисков истоков национального характера, а, лучше сказать, национального мифа; кроме того, исследователи имели тенденцию подчеркивать аспекты, связанные с «преодолением» феодально-сеньориального господства. Это, прежде всего вопрос об общине (коммуне) как основе общественного развития на длительном протяжении истории. В отличие от историографии собственно националистического характера, с присутствием ей использованием средневековизма, провозглашавшего, в частности, извечный характер общины (коммуны) как предтечи общегосударственной фашистской общины, историческая интерпретация Вольпе и Каджезе не наделяла столь прямолинейно антропоморфными характеристиками нацию и даже не допускала натурализации, антропоморфизма в описании таких категорий, как классы и коммуны. Так понимали и развивали их идеи интерпретаторы и популяризаторы фашистского периода. В свете либеральных стереотипов те же самые исследования можно было воспринимать иначе, что и было сделано в свой черед.

Представляет особый интерес изучение взаимодействия дискурса исторических, юридических и экономических исследований, который возник как ориентированный на обособленную интеллектуальную группу (и использовался этой группой как внутренний код доступа), с полем науки периодов тоталитарного режима, в тот момент, когда историческое описание было призвано к служению широкому кругу читателей и популярному изложению. Эта ситуация популистского прочтения наработок академической исторической науки, была типична и для эпохи фашистского режима и для последующего периода новой либерализации.

Все это время – от начала века, через Первую и Вторую мировую войну, через годы изживания фашистской идеологии, создания идеологии «новых левых» – в Италии продолжали читать исторические книги, и цитировать исследования, созданные Вольпе и его коллегами в период создания экономико-юридического дискурса. При этом сам Вольпе, историк-долгожитель, хоть и отстраненный от преподавания в послевоенные годы, продолжал публиковать новые труды. Именно континуитет переизданий, традиционный круг цитирования (пусть и в виде глухих ссылок) – такое обращение к трудам заслуженных деятелей исторической науки прошлого приводит к тому, что их имена начинают ассоциироваться с более поздним, а иногда и совершенно чуждым им дискурсом, или же, наоборот, закрепляют единую мерку по отношению к разноплановому творчеству и научной эволюции взглядов. Простая цезура не нанесла бы такого вреда сохранению смысла творческого наследия Вольпе и его коллег, объединенных в начале XX века интересом к социально-экономическому развитию коммун, выраженному в праве. Собственно, то же можно сказать о тренде марксизма в целом.

Это очевидно на примере любого значимого труда как итальянской, так и советской школы историографии, в арсенал которых было первоначально введено достаточно нейтральное определение класса (и правящего класса), ставшее лишь затем, в трудах продолжателей, мифологизированным и антропоморфизированным понятием. Можно констатировать (и это примечательно!), что понятие класса очень вольно и широко использовалось в той историографической среде, где изначально фактологическая, детализированно-описательная история развилась до высокого предела. Накопленный «фактологический» материал, как будто бы должен был препятствовать спекуляциям. Нельзя не задаться вопросом как могла возникнуть сильная зависимость такой историографии от идеологических доминант и мифологизации понятий?

Да, частично, изложенное выше объяснимо сильным взаимодействием поля науки и поля политики, которое наблюдалось и в Италии, и в

России, причем не только в период коммунистической или фашистской диктатуры, но и в преддверии их, а также и в моменты либерализации. С другой стороны, нельзя считать деятелей науки, в частности – исторической дисциплины, пассивными жертвами идеологического давления извне. Известно, что те, кто возглавлял науку (департаменты, редакции журналов и энциклопедий) при тоталитарных режимах, не просто покорно выполняли волю, выраженную свыше, но и активно, творчески сотрудничали с этой политической волей, являлись генераторами или хотя бы соавторами идеологически значимых инициатив. При этом сам груз так называемой «фактологии», т.е. необработанной, описательной информации – прокладывает колено зависимости мифотворчества и попыток вписать то, что принимается за объективные данные, в «более широкий контекст». Его виртуальность плохо отрефлексирована, потому, что не проанализирована условность и виртуальность самих составляющих контекста – так называемых «данных».

Итак, трудно переоценить роль и влияние школы экономических и юридических исследований и ее самобытного представителя Джоаккино Вольпе в развитии историографии. Это, безусловно, яркая страница истории гуманитарной науки, пример для изменения стратегии поведения целого сообщества интеллектуалов, определитель вектора развития исторической дисциплины. В то же время Вольпе – это, несомненно, исключительная личность, даже исключение из исключений. Ведь это практически единственный деятель науки, который после демонтажа фашистского режима в Италии был подвергнут остракизму – запрету на преподавание, и в то же время оставался одним из немногих – если не единственным из всех, кто работал еще в первой половине века – не забытым и активно действующим в области исследований и публикаций историком. В профессиональной среде Вольпе не стал изгоем: его книги пользовались успехом и у коллег, и у широкой читающей публики.

С интеллектуальной биографией Вольпе связано само построение образа исторической науки всего XX века. Поэтому и рассматривать эту личность можно и нужно в связи с проблемами долгосрочного влияния и преемственности в том смысле слова, который используется творцами теории *path dependence*. В русле развития этой зависимости остается неизменным то, что было некогда четко очерчено необходимостью, но, освободившись от этой необходимости и налагаемых ограничений, не претерпевает изменчивости.

Это не просто косность и пережиток: сохраняется продукт или феномен, возникший под действием определенных сил и обстоятельств,

даже вызовов, но сохраняется в виде запоздалого ответа, эха, давно прошедших гроз. Это верный слепок ключа от той двери, которую давно не нужно открывать. Но оживший продукт, материальное изобретение, утратившее необходимость – заполняют одно измерение, а идеи – совсем другой мир, у которого свои критерии возможного и ненужного, необходимого и исключаемого. Кто сказал, что в мире идей актуальность бывает лишь однажды в истории?

Более того, увлекательной перспективой является определение критериев и причин интеллектуального «выживания», долгожительства этого научного и общественного деятеля – безупречного, идейно ангажированного, вовлеченного в самые острые коллизии своего времени, но, видимо, избравшего успешную интеллектуальную стратегию, а кроме того, помимо своей воли вписавшегося в далекий, но неожиданно созвучный этой личности культурный и академический горизонт. Наследие Вольпе – это долгое эхо культуры Нового времени, которое Новейшее время то активно адаптирует, то пассивно, но неотступно сохраняет – вплоть до нового удачного момента ре-актуализации.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бурдьё П.* Рынок символической продукции // Вопросы социологии № 1/2, 1993. <http://bourdieu.name/content/rynok-simvolicheskoy-produkcii>.
- Торштендаль Р.* Возвращение историзма? Нео-институционализм и «исторический поворот» в социальных науках. Историческая наука сегодня. М., 2010. С. 343–354.
- Artifoni E.* Crivellucci, Salvemini, Volpe e una rivista che non si fece. Nota in margine a una ricerca su Gaetano Salvemini storico del medioevo // Annali della Fondazione Luigi Einaudi. XIII. 1979. P. 273–299.
- Idem.* Salvemini e il medioevo. Storici italiani fra Otto e Novecento. Napoli, Liguori, 1990.
- Idem.* Gioacchino Volpe e i movimenti religiosi medievali // RM Rivista, VIII, 2007. <http://www.rmojs.unina.it/index.php/rm>.
- D'Alessandro V.* Salvemini medievista / Gaetano Salvemini fra politica e storia. Laterza, Bari-Roma, 1986. P. 139–197.
- Caggese. R.* Classi e comuni rurali nel medio evo italiano, vol. 1–2. Firenze, 1907–1909.
- Capitani O.* Da Volpe a Morghen: riflessioni eresiologicalhe a proposito del centenario della nascita di Eugenio Dupré Theseider // Studi medievali, s. III, 40 (1999). P. 305–321.
- Capriglione F.* La metodologia storiografica di Romolo Caggese tra positivismo e storicismo. Foggia, Grafisud, 1981.

- Cervelli I.* Cultura e politica nella storiografia italiana ed europea fra Otto e Novecento. A proposito della nuova edizione di "Storici e maestri" di Gioacchino Volpe // Belfagor. XXIII. 1968. P. 473–483, 596–616; XXIV. 1969. P. 66–89.
- Cervelli I.* Storiografia e politica: dalla società allo stato. Note su Gioacchino Volpe // La Cultura. VII. 1969. P. 496–534.
- Cervelli I.* G. Volpe e la storiografia italiana ed europea fra Otto e Novecento // La Cultura. VIII. 1970. P. 40–80, 257–291, 375–424.
- Cervelli I.* Gioacchino Volpe. Napoli, 1977.
- Croce B.* La storiografia in Italia dai cominciamenti del secolo decimo nono ai giorni nostri. XVII. La storiografia economico-giuridica come derivazione del materialismo storico // La Critica, XVIII (1920). P. 323, 326.
- Idem.* Storia della storiografia italiana nel secolo decimo nono. Bari, Laterza, 1921. P. 257–258.
- Larner J.* Italy in the age of Dante and Petrarch 1216–1380. 4 ed. L., 1991.
- Marinelli F.* Gioacchino Volpe storico e politico // Rassegna trimestrale di Abruzzistica. 1. 1977. P. 77–82.
- Moretti M.* Il giovane Salvemini fra storiografia e scienza sociale // "Rivista Storica Italiana". CIV (1992). P. 203–245.
- Moretti M.* Salvemini e Villari. Frammenti / Gaetano Salvemini metodologo delle scienze sociali. Rubbettino, 1996. P. 19–68.
- Normanno G.* Il Medioevo di Romolo Caggese. Foggia // Centrografico Francese. 2000.
- Violante C.* Gioacchino Volpe e gli studi storici su Pisa medioevale. Introduzione a G. Volpe // Studi sulle istituzioni comunali a Pisa. Città e contado, consoli e podestà (secoli XII–XIII), nuova ed. Firenze, Sansoni. 1970 (Biblioteca storica Sansoni, n.s., 48). P. IX–LVIII.
- Rodolico N.* Gaetano Salvemini // Archivio Storico Italiano. CXV. 1957.
- Silva P.* Gaetano Salvemini. L'Italia che scrive. I, 3. 1918.
- Sestan E.* Salvemini storico e maestro // Rivista storica italiana. LXX (1958). P. 5–43.
- Sestan E.* Lo storico Gaetano Salvemini. Bari, 1959.
- Atti del Convegno su Gaetano Salvemini, Gabinetto Scientifico Letterario di G. P. Vieuzeux. Firenze. 8–10 novembre 1975 / a cura di E. Sestan. Milano, 1976.
- Sestan E.* Salvemini storico del Medioevo, // "Atti del Convegno su Gaetano Salvemini". Gabinetto Scientifico Letterario di G. P. Vieuzeux. Firenze. 8–10 novembre 1975 / a cura di E. Sestan. Milano. 1976. P. 47–67.
- Ventura A.* Romolo Caggese tra storiografia e politica (1881–1981) // Rassegna di Studi Dauni. VII–VIII (1980–1981). P. 177–270; Estratto, Foggia, Editrice Apulia, 1981.
- Violante C.* Gioacchino Volpe: il periodo pisano (1895–1906) // Studi e ricerche in onore di Gioacchino Volpe nel centenario della nascita (1876–1976). L'Aquila-Roma, Deputazione di Storia Patria per gli Abruzzi. 1978. P. 153–184.
- Violante C.* Appunti sulla formazione di Gioacchino Volpe // Annali dell'Istituto Italiano per gli Studi Storici. IX. 1985–1986. P. 301–317.

- Vivarelli R.* Ernesto Sestan tra Salvemini e Volpe / Ernesto Sestan, a cura di Angelo Ara e Umberto Corsini. Trento, 1992. P. 69–93.
- Volpe G.* Il Medioevo. Firenze: Vallecchi. 1927 [Sansoni. 1958].
- Volpe G.* Medio Evo italiano. Firenze: Vallecchi. 1 ed. 1923. [Laterza. 2003].
- Volpe G.* Movimenti religiosi e sette ereticali nella società medievale italiana: secoli 11. –14. Firenze: Vallecchi, 1922; 2a ed. 1926; Sansoni – 1961, 1971, 1972, 1977; Roma: Editore Donzelli, 1997.
- Volpe G.* Corsica. Milano: Istit. Edit. Scientifico, 1927.
- Volpe G.* Guerra, dopoguerra, fascismo. Venezia: La nuova Italia, 1928.
- Volpe G.* L'impresa di Tripoli (1911–1912). Roma: Ed. Leonardo, 1946.
- Volpe G.* L'Italia che fu: come un italiano la vide, sentì, amò. Milano: Le edizioni del Borghese, 1961.
- Volpe G.* Romolo Caggese. Classi e Comuni rurali nel M. E. italiano. Saggio di storia economica e giuridica // La Critica. VI. 1908. P. 263–278, 361–381.
- Volpe G.* L'Italia in cammino: l'ultimo cinquantennio. Milano: Treves, 1927.
- Volpe G.* L'Italia nella Triplice alleanza (1882–1915). Milano: Istituto per gli studi di politica internazionale, 1939–1940.
- Volpe G.* L'Italia moderna. Firenze: Sansoni, 1949–1952.
- Volpe G.* Lunigiana medievale: storia di vescovi signori, di istituti comunali, di rapporti tra Stato e Chiesa nelle città italiane nei secoli 11.–15. Firenze: La voce, 1923.
- Volpe G.* Ritorno al paese: Paganica : memorie minime. Roma: Tip. A. Urbinati, 1963.
- Volpe G.* Scritti sul fascismo: 1919–1938; con prefazione di Piero Buscaroli. Roma: Volpe, 1976.
- Volpe G.* Storia del movimento fascista. Milano: Istituto per gli studi di politica internazionale, 1939 e 1943.
- Volpe G.* Storia della Corsica italiana. Milano: Istituto per gli studi di politica internazionale, 1939.
- Volpe G.* Storici e maestri. Firenze: Vallecchi 1924 [Nuova ed. accresciuta Firenze: Sansoni, 1967].
- Volpe G.* Studi sulle istituzioni comunali a Pisa. Nuova ed. Firenze: Sansoni, 1970.
- Volpe G.* Toscana medievale: Massa Marittima, Volterra, Sarzana. Firenze: Sansoni, 1964.
- Volpe G.* Volterra: storia di Vescovi signori, di istituti comunali, di rapporti tra Stato e Chiesa nelle città italiane nei secoli 11.–15. Firenze: La Voce, 1923.
- Volpe G.* Questioni fondamentali sull'origini e primo svolgimento dei comuni italiani / Medio evo Italiano. 2 ed. Firenze, 1961 (3-ed. Roma, 1992).
- Селунская Надежда Андреевна**, кандидат исторических наук; старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; spesbona@mail.ru.